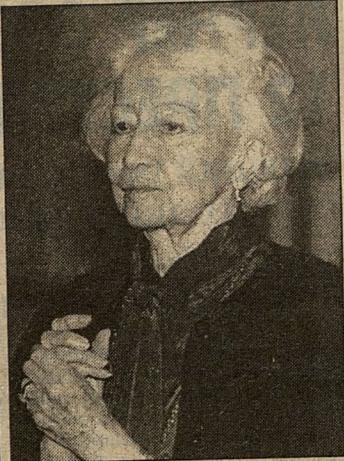

НЕОБХОДИМАЯ УЛНОВА

С уходом великой балерины заканчивается целая художественная эпоха *Независимая газ.* - 24 марта. с. 1

Майя Крылова

МЫ ЗНАЛИ, что Галина Сергеевна Уланова в последнее время болела — мучительно и тяжело. «Те, кто был в курсе дел, понимали, что уход неизбежен», — сказал художественный директор Большого театра Владимир Васильев на встрече с журналистами через несколько часов после получения трагического известия. Но все равно — известие больно ударило и ввергло в шок. Нет Улановой — воплощенной невядаемости, женщины, которую в коридорах ГАБТа и в восемьдесят лет при встрече принимали за молоденькую — так горделиво ступала, так изящно держалась, так поражала безупречной стройностью, сохранившейся «балетной» статью. Нет артистки, которую эпоха возвела на пьедестал, сделала культовой личностью — разве может перестать быть миф?

В тот день, в субботу, в Большом театре было мало балетных артистов — на афише «Иоланта», основная часть труппы — на гастролях в Каире. Те, кто пришел в ГАБТ, увидели осунувшееся лицо Васильева, услышали севший от

(Окончание на стр. 7)

(Окончание. Начало на стр. 1) волнения голос; и когда зачитывал телеграмму от президента Российской Федерации Бориса Ельцина, и когда произносил по-мильное слово об Улановой.

В телеграмме президента говорилось: «С глубокой скорбью узнал о кончине великой русской балерины Галины Сергеевны Улановой... Ее талант, мастерство, неповторимый стиль классического танца внесли огромный вклад в искусство современной хореографии... Жизнь Галины Сергеевны, ее творчество — это не только яркое явление в истории нашей и мировой культуры. Уланова стала для нас символом совести, чести и достоинства истинного художника. Ее жизнь в искусстве еще долго будет примером для многих поколений российских артистов... Мои самые искренние соболезнования коллективу театра, родным, близким и друзьям Галины Сергеевны, всем, кому она была дорога».

«Повод сегодняшней встречи — очень печальный в истории Большого театра, — сказал Владимир Васильев. — Есть ряд людей — их очень мало, — с потерей которых мы ощущаем невосполнимость. Галина Сергеевна — при всем величии и значимости своего имени в мировой культурной жизни — была поразительно скромной. Она — пример редкостной порядочности в отношении к профессии. Это было образцовое служение — немноговесное, без интриг, без шумной общественной жизни, без подписывания «обращений»...

После реконструкции Большого театра у нас будет мемориальный зал Галины Улановой. И будет создан фонд ее имени. Она мало думала о том, как распоря-

Такой балерина была. 1928 г.
Фото из личного архива Галины Улановой

НЕОБХОДИМАЯ УЛНОВА

диться наследством. Мне бы хотелось, чтобы ее квартира на Котельнической набережной как-то сохранилась. Может быть, в виде представительской квартиры ГАБТа. Чтобы туда приходили выдающиеся люди искусства, официальные гости Большого театра, — так будет длиться память».

Уланова была опровергнута многими неистинными постулатами, сложившимися в современном искусстве. Неправда, что балет — элитарное зрелище: восторг от ее танца испытывали и короли, и домохозяйки. Неправда, что творцам двадцатого века нечего сказать о «разумном, добром и вечном»: никакое высокопарное определение не казалось банальным и чрезмерным, когда говорили об улановских спектаклях. Магия искусства. Зримая музыка. Неизбытная чистота. Нераскрытая тайна.

В ее манере всегда ощущалась какая-то недосказанность — недаром ее называли «тающимися». Танец вызывал ассоциации с бликами на воде. С Аленушкой с картины Васнецова. Или с тургениевскими строками о русской природе. Эмоциональные глубины ее балетных образов отсыпали к Татьяне Лариной и Наташе Ростовой. Ничего специально броского, рассчитанного на эффект и успех, вышибающего апплодисменты. Так же было и в жизни — абсолютная естественность, особенно явная в жизни женщины и актрисы, несущей ношу славы. Только она одна знала, как трудно нести груз такого всемирного поклонения и при этом оставаться нормальным чело-

веком. Она учila своих подопечных в ГАБТе не только технике и артистизму — пытались научить тому, чем владела сама. Быть личностью на сцене. Умению привораживать. Способности отучить самых привередливых балетоманов считать фузете и следить за чистотой туров. Кого, кроме неумных педантов, интересовало ремесло, когда Уланова священодействовала на сцене? Все понимали, что таких рук — крыльев лебедя, казалось, особенным образом колеблющих воздух, — не найдешь нигде; все чувствовали, что второго такого пробега с плащом в «Ромео и Джульетте», такой трагической распахнутости просто не могло быть. Тогда слова «аура» не употребляли. Но все ее чувствовали.

Каждый по-своему «прочитывал» суть ее образов. Единственное, чего не было в ее Лебеде, Одете, Маше, Авроре, Жизели — формализма. Той стороны балета, которую Юрий Завадский называл «гимнастическим трудом, скрытым за внешним изяществом», а Сергей Эйзенштейн определял резко: «стыдливый цирк».

К ее задумчивым героям словно не могло пристать «мирное зло». Их поэтическое сопротивление и было тем волшебством, которое делало улановский танец насыщенно необходимым временем. Когда весь мир жил в жестком цейтноте, методом проб и ошибок выбирая пути, улановское искусство исподволь, ненавязчиво убеждало в существовании полуза забытых потребностей души: деликатности, задушевности — и (что было особенно ощущи-

мо в годы Великой Отечественной войны) — воли в борьбе за правду.

Биография Улановой вместила огромный период жизни страны. За «железным занавесом» — когда балерина потрясла соотечественников; после его поднятия — когда на зарубежных гастролях Большого балета в Лондоне, в 1956 году, ее Джулетта и Жизель ошеломили Европу. И здесь и там ее считали истинно национальной актрисой, переживая таящийся в каждом па «русский лиризм». Никакие идеологические капканы, которые новейшая история расставляла на пути Улановой, никакие звания — Героя социалистического труда и сталинско-государственные премии — не смогли помешать ей сделяться всенародной героиней. Не назначенной «сверху», а выдвинутой «снизу» — потоком любви.

С уходом Галины Сергеевны подходит к концу классическая эпоха классического балета. Начинается давно назревшее, на наших глазах формирующееся время подведения профессиональных итогов, составления табелей о рангах, раздачи всем сестрам по сергам. Эпоха отсутствия героев эпохи. Холодная конкуренция школ. И маловероятно, что нам выпадет такое счастье еще раз — так любить балерину, как любили Уланову те, кто брал ее фото на фронт, называл ее именем сорта роз и тюльпанов и поставил — единственной балерине — два памятника при жизни.

Панихида состоится завтра в Большом театре. И завтра Галину Уланову похоронят на Новодевичьем кладбище.

Уланова
Татьяна